

Оглавление

Пролог. Лапшичная в сердце пустыни	5
Часть 1. Пограничье	9
Глава 1. Обрывки воспоминаний	11
Глава 2. Девочка и хозяин лапшичной лавки	14
Глава 3. Необычный день в лапшичной лавке	24
Глава 4. Ночь в пустыне	45
Глава 5. Самый обычный день в лапшичной лавке	55
Часть 2. Гости	65
Глава 1. Удручающая повседневность	67
Глава 2. Спящая бабочка	75
Глава 3. Парные очки	120
Глава 4. Незаконченная старая история	163
Глава 5. Те, кто обитает в пещерах	173
Глава 6. А ріасеге	190
Глава 7. На прощание	221
Глава 8. Последний гость	244

Часть 3. Неповиновение	251
Глава 1. Недолгое ожидание и долгий рассказ	253
Глава 2. Неудачная легенда	258
Глава 3. Хозяин кристаллика	277
Глава 4. Переписанная судьба	299
Часть 4. Последнее обещание	307
Глава 1. День «Х»	309
Глава 2. На свои места	334
Глава 3. Еще один шаг навстречу	346
Эпилог. Следы и...	361

Пролог

Лапшичная в сердце пустыни

Лампа погаснет, как только солнечный шар скроется за песчаной дюной.

Тьма поглотит пустыню. Чирк — раздастся звук зажигаемой спички, вместе с ним вспыхнет пламя. На миг качнется тень человека. Свеча, погасшая в бумажной лампе, медленно остынет, рассеивая в воздухе дым. Человек поднесет синее пламя спички к фитилю.

Они соприкоснутся, и мир на мгновение озарится синим светом. Моргнем, стряхнув остатки лазурной вспышки с ресниц, и осмотримся вокруг. Перед деревянным домиком, почерневшим тут и там, словно после пожара, сиротливо покачиваясь, стоит неприметная табличка:

§ Куксу¹

¹ Куксу — блюдо, которое представляет собой лапшу, часто подаваемую с добавлением бульона и других ингредиентов, считается простым и быстрым в приготовлении, сытным и относительно дешевым. Его легко можно увидеть на праздничном столе или купить в небольшой лапшичной.

По покосившейся ветхой крыше, подпираемой стенами разной высоты, стекает темнота. Свет из круглого окошка в двери тускло освещает песок перед домом. Песчинки следуют за дуновениями ветра, складываясь в различные узоры на поверхности дюн.

Человек высунется в чуть приоткрытую дверь и взглянется в темноту. Он опустит голову и нахмурится, пытаясь что-то в ней найти. Под носком своего ботинка он увидит извивающийся лазурный отблеск. Приподнимет ногу, и синий луч протянется в глубь пустыни. Постоим, глядя на яркую дорогу из света, обернемся — а мужчины уже и след простыл, он давно скрылся внутри. За круглым окошком в двери суетливо двигается его силуэт. На первый взгляд это самая обычная лапшичная, где подают куксу.

И в ней уже ждут гостей.

Часть 1

Пограничье

Глава 1

Обрывки воспоминаний

Капля, долго державшаяся на остром краю камня, наконец сорвалась вниз. Она ударила по поверхности лужи с чистым и звонким звуком, от которого Чхэи пришла в сознание. В полудреме она осмотрелась сквозь едва приоткрытые веки — казалось, они были налиты свинцом. Съежившись в клубок, она лежала на твердой и неровной поверхности. Неясно было, сколько она пробыла в таком положении, но все тело ныло. Девочка повернулась и распрямила затекшую спину. Что-то твердое впилось ей в лопатку. Чхэи, извиваясь как гусеница, попробовала потянуться и...

Кап.

Сон как рукой сняло, глаза с легкостью распахнулись. Холодная капля упала на лоб и стекла к виску. Еще одна капля грозилась сорваться вниз. Чхэи, не успев еще вытереть воду с лица, резко села. Что это за место? Глубокая, широкая, необъятная, сырая, отливающая синевой — пещера, горный туннель.

Чхэи уперлась руками в пол, чтобы подняться, и взгляд упал на рукав толстовки. Это была ее любимая

вещь в гардеробе — белое худи с вышитым кусочком торта и фиолетовой свечкой. С ним она любила надевать светлые джинсы и кроссовки на толстой подошве. Чхэи ощутила странное облегчение и выдохнула, выпустив поток белого пара изо рта. Шмыгнув носом, кончик которого свело от холода, она осторожно сделала шаг вперед.

По спине от шеи вниз пробежал озноб. Она попыталась согреть заледеневшие руки, подышала на них, потерла между собой и даже зажала под мышками. Когда ладони чуть согрелись, к ней начали возвращаться воспоминания. Так происходит каждое утро — хочешь ты этого или нет, но вспоминаешь: кто ты такой, какие планы есть на день. Однако сейчас воспоминания хлынули внезапно, словно в голове прорвало плотину. Когда последнее из них достигло сознания Чхэи, она ахнула, зажав рот ладонью: «Я что... умерла?»

Девочка вспоминала отрывками, словно смотрела видео, которое то и дело зависало. Но, казалось, в одном она была точно уверена.

Раздался характерный звук. Влажная прохлада обхватила ногу, и Чхэи поежилась. Погруженная в свои мысли, она не заметила лужу и наступила прямо в нее. Девочка огляделась, но вокруг по-прежнему никого не было, лишь звук воды эхом отражался от стен пещеры.

Чхэи выбрала место поровнее и села с тяжелым вздохом. Она сняла промокший носок, и холод пробрал кожу, по телу пробежала дрожь. На том месте, где Чхэи выжала носок, образовалась маленькая лужица. Она глядела на падающие капли и пыталась сшить вместе обрывки воспоминаний, вспомнить момент своей смерти, если она на самом деле умерла.

Всей семьей они ехали в машине. Ночь была такой темной, что дальше света фар не было видно ничего. Ка-

жется, они направлялись в магазин, чтобы купить торт. Почему-то родители спали на заднем сиденье, а Чхэи сидела спереди и клевала носом.

«Мама, папа, я...» — Считая, она покачивала головой и загибала пальцы. Кое-что не сходилось. Если их семья состояла из трех человек, кто тогда вел машину? Что еще более странно, тот, кто был за рулем, разговаривал с Чхэи, убирал волосы от ее лица, а девочку это ни капли не смущало.

«Не пришло еще твое время, дитя. Вздремни же. Это твой заслуженный покой». — Старомодная манера речи и низкий скрипучий голос еще звучали у Чхэи в голове, но лица она вспомнить никак не могла. Вдруг все стихло, и через лобовое стекло в глаза ударил яркий свет. Воспоминание оборвалось. Был ли это свет фар встречной машины, произошла ли авария? Чхэи подтянула колени к груди и уткнулась в них лицом. К беспокойству о родителях прибавился липкий страх: что, если она действительно умерла?

— Нет, мне это снится.

Она подняла голову, спрятанную в коленях. Думать, что это всего лишь сон, было проще, чем признать собственную смерть. Эта мысль придала ей сил, и она взглянула в глубину пещеры. Та все так же разевала перед девушкой свою темную бездонную пасть. Чхэи сжала еще влажный носок в руке и поднялась. Она резко встряхнула головой, отгоняя слабость и страх.

— Нет, я не умерла. Мне нужно вернуться обратно. Соберись, Ён Чхэи. Ты же с таким трудом поступила в университет!

Родители об этом еще не знали. Она планировала им рассказать как раз в свой день рождения, задувая длинные свечи на торте. Чхэи ступила вперед, теперь

уже осторожно обходя лужи. Вряд ли она заметила, как вода, которую она только что отжала из носка, уже успела испариться, оставив после себя лишь мокрое пятно. А на ветру, что теплыми порывами влетал в пещеру снаружи, носок в ее руке стал медленно сохнуть.

Глава 2

Девочка и хозяин лапшичной лавки

— Мне стыдно смотреть брату в глаза.

Хилый на вид мужчина скривил лицо и вытер слезу. Он сидел один за столом, похожим на барную стойку, и со спины выглядел особенно одиноким. Впрочем, хозяина заведения это совсем не беспокоило.

С другой стороны стола, на открытой кухне, засучив рукава белой рубашки до локтей, стоял хозяин лапшичной, господин Чэ, и что-то суетливо делал руками. Его лицо с правильными чертами и равнодушным, как у статуи, выражением будто отражало в себе полное безразличие ко всему вокруг. Ему было не больше тридцати с небольшим, но, возможно из-за неглубокой морщины, застывшей на переносице, и плотно сжатых губ, он казался старше своих лет.

За столом-стойкой была спрятана раковина, и, если повернуться к ней спиной, можно было увидеть газовую плиту и холодильник, теснящийся в дальнем углу кухни. Кухня была совсем маленькой: не больше пяти

шагов в длину и трех в ширину; но поскольку сам хозяин лапшичной был довольно стройным, тесно ему не было.

Наконец он поставил перед гостем тарелку с аппетитным, ароматным куксу. Но вместо того, чтобы взять палочки в руки, мужчина лишь потерянным взглядом смотрел на пар, поднимающийся от лапши. Хозяин лапшичной с характерным стуком поставил рядом с тарелкой маленькую пиалу. В ней лежал небольшой стеклянный шарик — кристаллик, мерцающий красным светом.

— Ешь, а то размокнет, — бросил он.

Огрубевшие, мозолистые руки гостя были мокрыми от слез. Их он больше не пытался вытереть, позволяя стекать по щекам. Слезы катились вниз и падали прямо в тарелку.

— Брат ненавидел куксу, — произнес он. — Говорил, что ел его, когда клиентов было много, наспех. Хотя бывало, что ему иногда именно лапши хотелось, а не чего-то существенного. Иногда брал меня в ту забегаловку для водителей, где сам часто бывал, и покупал мне тарелочку...

Хозяин Чэ вытер мокрую ладонь о черный фартук, сел на стул в глубине кухни и скрестил ноги.

— Ешь быстрее и возвращайся в мир живых. Хватит жаловаться.

— Да как я один жить-то буду? — Мужчина провел языком по пересохшим губам, в глазах его дрожал страх. — Родители умерли, я их лиц-то и не помню, и с тех пор только старший брат меня тащил за собой по жизни. Если бы не он, я бы помер уже давно. Когда я связался с дурной компанией и оказался в полиции, когда меня обманули на деньги и все от меня отвернулись — всякий раз, когда я оставался один, он был рядом. Жизни без брата для меня не существует, смысла в ней нет. Я больше не хочу оставаться один.

Хозяин Чэ с глухим стуком ударил каблуками ботинок по деревянному полу и резко поднялся. Сильное раздражение на лице выдавало в нем человека, который никогда не стал бы выслушивать чужое нытье всю ночь напролет.

— Заканчивай жаловаться. Мне твои плаксивые рассказы не интересны.

Мужчина быстро протер нос рукавом, размазав густые сопли по всему лицу. Хозяин Чэ поморщился в отвращении и кивком показал на салфетки. Мужчина выдернул несколько шероховатых бумажек и громко высморкался. Пока он сминал салфетку, хозяин лапшичной пододвинул пиалу со стеклянным шариком поближе к гостю.

— Я лишь передаю волю богов.

Послышался глухой стук. Тук-тук, тук-тук. Шарик мерцал красным светом и едва заметно сокращался, словно подражая биению сердца. Мерцание кристаллика подсвечивало пространство вокруг красноватой дымкой. От него исходил невнятный голос, он был похож на нить, спутавшуюся в клубок. Красное мерцание достигло уха мужчины, и в нем послышался едва уловимый шепот.

— А-а-а!

Мужчина вскочил, хлопая себя ладонями по ушам, и попятился назад. Хозяин Чэ тут же обхватил пиалу руками и прижал к груди. Он метнул на гостя свирепый взгляд:

— Ты что делаешь? Чуть не уронил! Без него в Мир Живых не вернешься!

— Ч-что это только что было?! Вы тоже слышали, да? — Мужчина, будто не обращая внимания на слова хозяина Чэ, одну руку прижал к уху, а другой тряс пальцем в воздухе перед ним. Указывал он, безусловно, на пиалу с шариком. — Оно говорило со мной!

— Конечно говорило! Это твой кристаллик. Он тебе твою судьбу сообщает, дубина, — рявкнул хозяин Чэ и принялся внимательно осматривать содержимое пиалы. Убедившись, что с шариком все в порядке, он коротко выдохнул. — Я его не слышу. Голос его доступен только тому, кому кристаллик принадлежит.

Мужчина недолго помолчал, потом скривил губы и выкрикнул:

— И что? Мне все равно! Не пойду никуда! — Ноздри у него раздувались и подрагивали, как у упрямящегося ребенка. — От меня всю жизнь были одни проблемы. Из-за меня брат до семидесяти лет таксистом проработал. А я только сейчас наконец-то стал набираться ума, наконец понял, как правильно жить, хотел хоть как-то отблагодарить его... — Он не закончил, слова застряли в горле, а лицо вновь скривилось.

— Упрямый ты, — процедил хозяин Чэ. — Потому и говорю: возвращайся обратно.

Он наклонил пиалу, и шарик скатился прямо в тарелку с куксу. Он таял, распадаясь на крошечные частички, которые оседали между нитями лапши, окрашивая ее в красный цвет.

— Ешь, если хочешь в последний раз поговорить с братом.

— Он жив? Он тоже сюда приходил? Вернулся в Мир Живых? Что он сказал?

В глазах, красных от слез и едва видных меж распухших век, заблестела надежда. Он оперся на стойку и подался вперед, в сторону хозяина лапшичной. Тот поморщился, но внутри торжествовал. Именно такой реакции он ожидал, рассказав о брате. Все становятся сговорчивее, когда узнают, что можно поговорить с близкими.

— Он, наверное, изо всех сил держится, чтобы дожидаться тебя и в последний раз увидеть твое лицо. Ему скоро придется отправиться в Мир Иной.

— Нет... — Живость, только что вспыхнувшая в глазах мужчины, тут же погасла, и взгляд его потускнел.

Хозяин Чэ снисходительно взглянул на него и тяжело вздохнул, чтобы скрыть свое раздражение.

— Твой брат прожил достаточно, а твое время еще не пришло. Только боги решают, когда человеку умереть. Если ты думаешь, что твой брат умирает по твоей вине, то сильно заблуждаешься.

— Но... Как же я посмотрю ему в глаза? Он так много для меня сделал, а я не успел ему ничем отплатить... Как я буду жить дальше? — Он шмыгал носом, из которого без конца текли сопли. Перемешавшись со слезами, они уже были размазаны по всему лицу.

— Это ты уже решай сам. — Хозяин Чэ с трудом сдерживал позывы сказать еще что-нибудь грубое, и от этого у него разболелась голова. Он закрыл глаза и сильно надавил пальцами на виски. — Ты так и будешь время тратить на самобичевание и жалость к себе? Его-то почти не осталось. Если не пойдешь сейчас, брат умрет, так и не увидев тебя в последний раз.

Мужчина устался на тарелку с красноватой лапшой и вытер потрескавшимися от мозолей пальцами слезы и сопли с лица. Хозяин Чэ, будто испугавшись, что запачкаются его собственные руки, поспешно скрестил их на груди. Гость решительно вытер ладони о брюки и дрожащими пальцами схватил палочки. Он зацепил побольше лапши и жадно запихнул ее в рот.

Какое-то время в лапшичной были слышны только всхлипывания и стук палочек по тарелке.

— Скажите, брат правда приходил сюда? Тоже ел куксу?

Хозяин Чэ на его вопрос не ответил и даже головы не поднял. Он молча мыл посуду, и гость, глядя на него, продолжил:

— Спасибо. Вы, наверное, и его так вкусно накормили...

— Твой брат просил передать, чтобы ты курить бросал, — небрежно ответил хозяин Чэ, гремя тарелками.

Мужчина вздрогнул, скривил губы, сдерживая горькую улыбку, и поклонился.

— Простите, что из-за меня вам пришлось его ворчанье слушать. Остальное дослушаю сам. Спасибо.

Будто понимая, что в ответ прощания не последует, гость не стал его дожидаться и вышел из лавки. Было слышно, как удаляются его тяжелые шаги.

Хозяин Чэ остановил воду, закрыл глаза и замер в ожидании.

Вот оно.

Словно тяжелая туча, нависшая над горизонтом, боль постепенно сдавливала сердце. Щеки свело судорогой. Казалась, прямо на поверхности его кожи камни измельчают в песок. Под закрытыми веками четко проступило заплаканное лицо мужчины. Он тихим голосом просил прощения, и каждое его «прости» эхом раздавалось в ушах.

— Не надо делать того, за что потом приходится извиняться, — проворчал хозяин Чэ и внезапно схватился за грудь. Дыхание перехватило, будто кто-то с силой ударил его под дых.

Он вцепился в край мойки и попытался глубоко вдохнуть, но безрезультатно. Каждое сокращение сердца